

АЛЛЕН
ДАЛЛЕС

ДЭВИД
РОКФЕЛЛЕР

ЭНВЕР
ХОДЖА

ХРУЩЕВ

КРЕМЛЕВСКИЙ
РЕФОРМАТОР

Дэвид Рокфеллер
Аллен Даллес
Энвер Ходжа
Хрущев. Кремлевский
реформатор
Серия «Вожди Советского Союза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25017237

Хрущев. Кремлевский реформатор. / Аллен Даллес, Энвер Ходжа, Джон

Дэвисон Рокфеллер: Алгоритм; 2012

ISBN 978-5-4438-0032-5

Аннотация

Авторы этой книги – видные мировые политики второй половины XX века. Аллен Даллес был директором ЦРУ США в 1953–1961 гг.; Дэвид Рокфеллер-старший – один из основателей Бильдербергского клуба, известный американский банкир, внук нефтяного магната и первого в истории миллиардера Джона Рокфеллера; Энвер Ходжа – известный балканский политик, руководитель Албании в 1941–1985 гг. Все они оставили воспоминания о Н.С. Хрущеве – лидере Советского Союза в 1953–1964 гг. Д. Рокфеллер и Э. Ходжа неоднократно встречались с Хрущевым и вели с ним переговоры, А. Даллес

по долгу службы обеспечивал переговорные процессы между Хрущевым и президентами США Эйзенхауэром и Кеннеди, а также вел разведывательную деятельность против СССР во времена Хрущева. Воспоминания Даллеса, Рокфеллера и Энвера Ходжа создают неоднозначный образ советского лидера, позволяя взглянуть на «кремлевского реформатора» с разных точек зрения.

Содержание

Вместо предисловия	5
Хрущев и «культ личности Сталина»	12
Смерть Сталина и борьба в советском руководстве	13
Что скрывалось за выступлениями Хрущева против «культа личности»	36
XX съезд КПСС. «Секретный» доклад против Сталина	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Аллен Даллес, Дэвид Рокфеллер, Энвер Ходжа Хрущев. Кремлевский реформатор

Вместо предисловия

(Из эссе С. Беллоу «Литературные заметки о Хрущеве»)

Хрущев, наследник Ленина и Сталина, преемник Маленкова и безусловный глава советской олигархии, обратил на себя внимание всего мира и заставил нас думать о себе. Бальзак некогда заметил, что политик – это гигант самообладания. Разумеется, он имел в виду политика буржуазного. Хрущев – другого поля ягода. Со времени своего дебюта на мировой арене вскоре после смерти Сталина и ухода Маленкова в отставку Хрущев, неизменно оттиравший Булганина, изумляет, сбивает с толку, приводит в смятение и оторопь весь мир. Если политик в традиционном смысле слова – это чудо самообладания, то Хрущев словно бы не умеет и не желает скрывать своих чувств. Его искренность, его открытость – такой же очевидный вроде бы факт, как то, что его стра-

на – союз социалистических республик. Других политиков устраивает роль представителей своих стран. Хрущева – нет. Он желает лично воплощать Россию и строительство коммунизма.

Если уж мы хотим понять Хрущева, мы должны раскрепостить наше воображение, позволить ему, как говорится, пойти ва-банк. Так или иначе, Хрущев заставляет нас думать о себе. Он все время у нас на глазах. В Китае, Париже, Берлине, Сан-Франциско – везде он актерствует. В Австрии, разглядывая работу скульптора-абстракциониста, он с озадаченным видом просит автора объяснить, что это все, черт побери, означает. Выслушав ответ или, скорее, пропустив его мимо ушей, он замечает, что скульптору, видно, придется все время здесь околачиваться, чтобы разъяснять людям свое загадочное произведение. В Финляндию он попадает как раз к началу торжеств по случаю дня рождения президента; отпихнув беднягу в сторону, он балагурит перед телекамерами, ест, пьет, мечет громы и молнии и, наконец, милостиво позволяет увезти себя на родину. В Америке поездка по стране, предпринятая им в ходе первого визита, была театральным шоу – другого слова не подберешь. Любой монарх XV века позавидовал бы его умению быть собой, с кем бы он ни общался – с прессой, с фермером Гарстом, с ослепительными голливудскими дивами или с сан-францисскими профсоюзными лидерами.

«Меня часто посещает мысль, – писал Уильям Джеймс, –

что лучший способ определить характер человека – это найти то умственное или духовное состояние, в котором он чувствует наивысшую полноту жизненных сил. В такие моменты внутренний голос говорит ему: «Вот оно, твое настоящее я!» Возможно, когда на глазах у всего мира Хрущев отпускает вожжи и его несет, он чувствует наивысшую полноту жизни. Богатой палитрой чувств он не располагает. Когда он скидывает незамысловатую личину бюрократической недоступности, или крестьянской степенности, или дружелюбия, остается либо злоба, либо ехидство. Ведь такая школа, как страх, отнюдь не способствует развитию выразительных средств, а умение жить в страхе было в сталинские времена совершенно необходимо любому крупному партийному функционеру. Поэтому разносторонности от Хрущева ожидать нельзя. Однако у него нашлись качества, позволившие ему одолеть учебный курс до конца: крепость нервов, выдержка, терпение, ломовой напор, безжалостность к чужим жизням, да и к своей собственной.

Было бы преувеличением, если бы я сказал, что он испытал все напасти, какие выпадают на долю людей в России; но с уверенностью можно утверждать, что, благополучно достигнув вершины, он теперь празднует победу. Он не был наказан за свои преступления – напротив, стал крупнейшим государственным деятелем; это убедило его, что жизнь таит в себе неожиданные, драматические повороты.

Хрущев черпает вдохновение в русской комической традиции. Ее вершина – «Мертвые души» Гоголя. У гоголевских помещиков и крестьян, либо гротескно дубиноголовых, либо столь же гротескно пронизательных, у губернских самодуров, подхалимов, крохоборов, чиновников, чревоугодников, картежников и пьяниц Хрущев позаимствовал немало красок для создания своего комического образа. Он – один из гоголевских «толстых», которые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие. «Тоненькие служат больше по особенным поручениям или только числятся и виляют туда и сюда; их существование как-то слишком легко, воздушно и совсем ненадежно. Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а все прямые, и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрещит и угнется под ними, а уж они не слетят».

Когда обстановка требует большей серьезности, он играет роль марксиста. Его выступление в ООН в поддержку борьбы колоний за независимость заставило меня подумать о Троцком в первые годы после революции, в особенности во время подписания Брест-Литовского мирного договора. К изумлению немецких генералов, он отложил переговоры, чтобы выступить с речами, призывающими мировой пролетариат поддержать революцию и распространить ее вширь.

Разумеется, те времена навсегда отошли в прошлое. Они отошли в прошлое еще до смерти Ленина. Велика разница между молодым революционным задором Троцкого и избытыми пропагандистскими приемами старого партийного тягеловоза. Однако, когда Хрущеву это на руку, он – марксист...

Есть что-то общее между марксизмом Хрущева и либеральной идеологией западных бизнесменов. Они прибегают к ней лишь по мере надобности. Хрущев, однако, имеет перед ними то преимущество, что нужды русской политики совпали с его личными нуждами, – так почему бы ему порой не пойти на поводу у своего темперамента. Трудно сказать, был ли Хрущев, стучавший ботинком на ассамблее ООН, «настоящим» Хрущевым. Так или иначе, одна из привилегий, которые дает власть, – это привилегия непосредственного эмоционального самовыражения.

Переменяя маску улыбчивого крестьянского добродушия с маской злости, русский премьер-министр выпускает на волю свои глубочайшие эмоции, и если они не потрясают нас, то потому только, что мы утратили непосредственный контакт с реальностью. На Западе связь между мнением, чувством и телесным движением нарушена. Мы лишились выразительной силы. Хрущев виртуозно пользуется этой силой, демагогически эксплуатируя свое русско-крестьянское происхождение.

Временами Хрущев выходит за грань гоголевского комиз-

ма; не всегда в этом человеке можно разглядеть черты симпатичного мошенника, который любит вволю покушать рыбки и масленых блинов. Гоголевский Чичиков на радостях от удачной аферы скачет по комнате вдали от людских очей. Хрущев изображает канкан на глазах у мировой общественности с нутряным весельем злобного гнома. Перед нами человек, которого сложными течениями людских воль вынесло в такое место, откуда рукой подать до власти над миром. В эпоху, когда видные деятели демонстрируют лишь смешанные – вторичные и третичные – цвета из спектра человеческих свойств, он не показывает нам иных цветов, кроме первичных. То ли он выставляет на всеобщее обозрение свои подлинные инстинкты, то ли, как растленный и хитрый старик Карамазов у Достоевского, юродствует, разыгрывая простодушие.

* * *

Когда отпадает нужда в обаянии и в подтрунивании, он предстает жестким, своевольным и трудным человеком. Он, похоже, не умеет играть ни по каким правилам, кроме своих собственных. Природа, история, русский марксизм и, вероятно, более всего то, что он пережил эпоху Сталина, сделали его таким, какой он есть, и другим он сделаться не мог. Фактическое признание своей оплошности для него вещь немыслимая. Он живет с железной необходимостью никогда

не ошибаться. Людей, которые ошиблись, он, возможно, ярче всего помнит лежащими в гробу. Для него черта между невозможным и возможным проведена кровью, и иностранцы, которые этой крови не видят, должно быть, кажутся ему большими чудаками.

Примечание: Сол Беллоу – американский писатель еврейского происхождения, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1976 г.

**Хрущев и «культ
личности Сталина»
(из книги Э. Ходжа «Хрущевцы»)**

Э. Ходжа

Смерть Сталина и борьба в советском руководстве

Из того, как было сообщено о смерти Сталина и как была организована церемония его похорон, у нас, албанских коммунистов и албанского народа, как и у других, подобных нам, сложилось впечатление, что его смерти с нетерпением ждали многие из членов Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

На следующий день после смерти Сталина, 6 марта 1953 г., Центральный Комитет партии, Совет Министров и Президиум Верховного Совета СССР поспешно провели совместное заседание. В случае больших утрат, какой была смерть Сталина, подобные срочные заседания нужны и необходимы. Однако большие и значительные изменения, о которых было сообщено в печати днем позже, говорили о том, что это срочное заседание состоялось не для чего-либо другого, а для... распределения постов!

Сталин только что скончался, его тело еще не было перенесено в зал, где ему должны были отдать последний долг, еще не была составлена программа организации почестей и похорон, советские коммунисты и советский народ проливали слезы по поводу великой утраты, – и вот верховное советское руководство выбрало именно этот день для деления портфелей! Премьер-министром стал Маленков, первым за-

местителем премьер-министра и министром внутренних дел – Берия, и так по порядку остальные посты были разделены между Булганиным, Кагановичем, Микояном, Молотовым. В течение этого дня были произведены важные изменения во всех высших партийных и государственных органах. Президиум и Бюро Президиума Центрального Комитета партии слились в один-единственный орган, были избраны новые секретари Центрального Комитета партии, некоторые министерства были упразднены, другие объединены, были внесены изменения в состав Президиума Верховного Совета и др.

Все это не могло не произвести на нас глубокое, причем, совсем не хорошее впечатление. Само собой возникали потрясающие вопросы: как же это возможно, чтобы столь важные изменения были произведены так неожиданно, за день, причем не в какой-либо обыкновенный, а в первый траурный день?! Всякая логика наводит на мысль, что все было заранее подготовлено. Списки этих изменений были давно составлены тайком и втихомолку, и ожидался лишь случай, чтобы огласить их, с тем чтобы угодить и тому и другому.

Совершенно невозможно за несколько часов, даже в день вполне нормальной работы, принять такие весьма важные решения...

* * *

Однако, если вначале это были только потрясающие, по-

разительные вопросы, то ход событий, происшествия и факты, которые должны были стать нам известны позднее, еще больше должны были убедить нас в том, что какие-то скрытые руки уже давно подготовили заговор и ожидали лишь подходящего случая взять курс на разгром большевистской партии и социализма в Советском Союзе.

Даже на похоронах Сталина явно бросалось в глаза отсутствие единства в Президиуме Центрального Комитета: каждый его член пытался опередить других, выступить первым. Вместо того чтобы показать народам Советского Союза, коммунистам всего мира, глубоко потрясенным и безмерно опечаленным безвременной кончиной Сталина, единство в день несчастья, «товарищи» наперебой пытались выставить себя. Хрущев открыл траурную церемонию, Маленков, Берия и Молотов выступили перед Мавзолеем Ленина. Хрущев и его сообщники по заговору вели себя лицемерно перед гробом Сталина и спешили закончить похоронную церемонию, чтобы снова запереться в Кремле и продолжить процесс раздела и передела постов.

Мы, и многие другие, думали, что Первым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза будет избран Молотов, ближайший соратник Сталина, самый старый, самый зрелый, наиболее опытный и наиболее известный в Советском Союзе и за его пределами большевик. Но произошло не так. Во главе стал Маленков, за ним последовал Берия. В те дни поодаль как-то в тени

стояла «пантера», готовившаяся поглотить и ликвидировать двух первых. Это был Никита Хрущев.

Путь его выдвижения был воистину странным и подозрительным: он был назначен только председателем Центральной комиссии по организации похорон Сталина, и, когда 7 марта было сообщено о распределении постов, он не получил ни одного нового поста, а всего лишь был освобожден от обязанности первого секретаря Московского обкома партии ввиду того, что «будет переведен на работу в Центральном Комитете партии». Прошло лишь несколько дней и 14 марта 1953 г. Маленков «по своей собственной просьбе» был освобожден от поста Секретаря Центрального Комитета партии(!), и в составе избранного в тот же день нового Секретариата Никита Хрущев фигурировал на первом месте.

Подобные действия, хотя они нас и не касались, совсем нам не понравились. Сталин вел последовательную борьбу за марксистско-ленинское единство в Коммунистической партии Советского Союза и сам являлся одним из его решающих факторов. Это партийное единство, за которое боролся Сталин, не было создано террором, как заявили позднее Хрущев и хрущевцы, вторя клеветническим измышлениям империалистов и мировой капиталистической буржуазии, борющихся за низвержение и разгром диктатуры пролетариата в Советском Союзе, оно было основано на завоеваниях социализма, на марксистско-ленинской линии и идеологии большевистской партии, на высокой и неоспоримой лично-

сти Сталина. Всеобщее доверие к Сталину было основано на его справедливости, на его умении защищать Советский Союз и ленинизм. Сталин правильно вел классовую борьбу, он беспощадно разил (и очень хорошо делал) врагов социализма.

И если в процессе всей этой справедливой титанической борьбы имели место и отдельные перегибы, то виновником в них был не Сталин, а Хрущев и Берия с компанией, которые, в своих темных и затаенных целях, когда они еще не обладали особой силой, показывали себя самыми прилежными сторонниками чисток. Они поступили так, чтобы вкратце в доверие и завоевать славу «пламенных защитников» диктатуры пролетариата, «беспощадных с врагами», и таким образом подниматься по ступеням, ведущим к последующей узурпации власти.

* * *

Во время неоднократных поездок, которые я совершал в Советский Союз после 1953 г., я все лучше и лучше подмечал обострение противоречий среди членов Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Несколько месяцев спустя после смерти Сталина, в июне 1953 г., я съездил в Москву во главе Партийно-правительственной делегации, чтобы запросить кредит экономическо-

го и военного характера.

Это было время, когда казалось, что Маленков был главным руководителем. Он был Председателем Совета Министров Советского Союза. Хрущев, хотя с марта 1953 г. и фигурировал первым в списке секретарей Центрального Комитета партии, по-видимому, еще полностью не прибрал власть к своим рукам, еще не подготовил путча.

Как правило, свои запросы мы излагали сначала письменно, так что члены Президиума Центрального Комитета партии и Советского правительства заблаговременно были знакомы с ними; более того, как выяснилось впоследствии, они уже решили, что будут давать и чего нет. Они приняли нас в Кремле. Когда мы вошли в зал, советские руководители встали, и мы пожали друг другу руку. Обменялись приветствиями.

Я знал всех еще со времени Сталина. Маленков был тот же — полный, с желтоватым лицом. С ним я познакомился за несколько лет до этого в Москве во время встреч со Сталиным, и он произвел на меня хорошее впечатление. Он обожал Сталина, и, по всей видимости, Сталин тоже ценил его. На XIX съезде он выступил с докладом от имени Центрального Комитета партии. Он относился к числу сравнительно молодых, пришедших к руководству кадров; впоследствии был ликвидирован замаскированным ревизионистом Хрущевым и его компанией. Но теперь он сидел на главном месте, так как занимал пост Председателя Совета Ми-

нистров СССР. Рядом с ним сидел Берия со сверкавшими за очками глазами и с постоянно движущимися руками. Возле Берия сидел Молотов – спокойный, симпатичный, один из самых серьезных и самых уважаемых, на наш взгляд, так как он был старым большевиком, большевиком времен Ленина и близким соратником Сталина. Таким мы считали Молотова и после смерти Сталина.

По соседству с Молотовым сидел Микоян со смуглым и нахмуренным лицом. Этот купец держал в руке полукрасный-полусиний толстый карандаш (который можно было видеть во всех канцеляриях в Советском Союзе) и занимался «подсчетами». Теперь он уже был облечен более широкими компетенциями, 6 марта, в день распределения постов, было решено объединить в одно министерство Министерство внешней торговли и Министерство внутренней торговли, а портфель министра-купца захватил этот армянин.

У края стола, в конце, словно растерявшись, сидел бело-головый бородач с расплывчатыми синими глазами, маршал Булганин.

– Мы вас слушаем! – степенно сказал Маленков.

Это было отнюдь не товарищеское начало. У новых советских руководителей потом вошло в привычку так начинать переговоры: «Ну, выкладывай, мы тебя послушаем, а потом скажем наше окончательное мнение».

Я начал говорить через переводчика о заботивших нас проблемах, особенно о военных и хозяйственных вопросах. Сначала я сделал вступление о занимавшем нас внутреннем и внешнем положении страны. Мне обязательно надо было обосновать наши нужды и запросы как в экономической, так и в военной области. Я старался быть возможно более точным и конкретным в изложении своих соображений, не распространяться, – но не говорил и двадцати минут, как змеиноглазый Берия сказал Маленкову, сидевшему, как мумия, и слушавшему меня:

– Не сказать ли ему то, что надо, и закончить это дело?

Маленков, не пошевелив лицом и не отрывая глаз от меня (конечно, ему надо было сохранять авторитет перед своими заместителями!), ответил Берия:

– Подожди!

Мне стало очень тяжело, во мне все кипело, но я сохранил хладнокровие и, чтобы дать им понять, что я слышал и понял, что они сказали, сократил свое изложение и сказал Маленкову:

– У меня все.

– Правильно! – сказал Маленков и передал слово Микояну.

Довольный тем, что я закончил свое изложение, Берия су-

нул руки в карманы и стал изучать меня, желая угадать, какое впечатление произвели на меня их ответы. Я, конечно, остался недоволен тем, что они решили дать нам в ответ на наши и без того весьма скромные просьбы. Я снова взял слово и сказал, что они слишком урезали наши запросы. И тут же заговорил Микоян, который «разъяснил» нам, что Советский Союз и сам беден, что он вышел из войны, что ему приходится помогать и другим и т. п.

– Составляя данные запросы, – ответил я Микояну, – мы всегда учитывали и только что изложенные вами соображения, причем делали мы расчеты очень сжато, свидетельство тому – работающие у нас ваши специалисты.

– Наши специалисты не знают, какими возможностями располагает Советский Союз. Это знаем мы, и мы высказали вам свое мнение, говоря вам о наших возможностях, – сказал Микоян.

Молотов сидел с опущенной головой. Он сказал что-то об отношениях Албании с соседями, но ни разу не поднял глаза. Маленков и Берия были двумя «петухами курятника», а Микоян, холодный и язвительный, говорил вроде меньше, зато изрыгал одну лишь хулу и отраву. По тому, как они говорили, как прерывали друг друга, как напыживались, давая «советы», можно было заметить признаки расхождений между ними.

– Раз вы уже решили так, – сказал я им, – мне нечего больше говорить.

– Правильно! – снова сказал Маленков и спросил, повысив голос: – Замечания есть?

– Есть, – сказал с конца стола Булганин.

– Говори, – сказал ему Маленков. Булганин открыл какую-то папку и сказал:

– Вы, товарищ Энвер, попросили помощь для армии. Мы согласны дать вам то, что уже установлено нами, но у меня к вам несколько критических замечаний. Армия должна быть мощным оружием диктатуры пролетариата, ее кадры должны быть верны партии, они должны быть пролетарского происхождения, партия должна прочно руководить армией...

Булганин сделал довольно длинную тираду, полную «советов» и «морали». Я внимательно слушал его и ждал найти в его словах критические замечания, но таких не было. Наконец он выпалил:

– Товарищ Энвер, мы располагаем сведениями о том, что многие кадры вашей армии являются сыновьями баев, богачей, людьми подозрительного происхождения и подозрительной деятельности. Мы должны быть уверены, в какие руки попадает оружие, которое мы вам даем, – сказал он далее, – поэтому советуем вам глубоко изучить эту проблему и произвести чистку...

Мне кинулась кровь в голову, ведь это была выдумка, клеветническое обвинение и оскорбление кадров нашей армии. Я повысил голос и спросил маршала:

– Откуда у вас такие сведения, которые вы приводите

столь уверенно? Почему вы оскорбляете нашу армию?

Присутствующих обдало леденящим холодом. Все подняли голову и смотрели на меня, а я все ждал ответа от Булганина. Он оказался в неловком положении, ибо не ожидал столь колючего вопроса, и уставился на Берия.

Слово взял Берия, который, раздраженно и неверно двигая глазами и руками, начал говорить, что, по имеющимся у них сведениям, неподходящие и подозрительные элементы у нас были, мол, не только в армии, но и в государственном и хозяйственном аппарате (!), он даже привел какую-то цифру в процентах. Булганин облегченно вздохнул и оглянулся, не скрывая своего удовольствия, но Берия прервал его улыбку. Он открыто противопоставил «совету» Булганина относительно чисток и отметил, что «элементы с плохим прошлым, вставшие впоследствии на правильный путь, не должны быть убраны, их надо простить».

Злоба и глубокие противоречия между этими двумя лицами проявлялись совершенно открыто. Как впоследствии выяснилось, противоречия между Булганиным и Берия были не просто противоречиями между двумя лицами, а отображением глубоких противоречий, грызни и противопоставлений, кипевших между органами советской госбезопасности и органами разведки Советской Армии. Однако об этом мы узнали позже. В данном случае речь шла о возводимом на нас тяжком обвинении. Мы никак не могли взять на себя подобного обвинения, так что я встал и заявил:

– Те, кто дал вам такие сведения, клеветают, следовательно, они враги. Никакой правды нет в сказанном вами. Подавляющее большинство кадров нашей армии были бедными крестьянами, пастухами, рабочими, ремесленниками и революционно настроенными интеллигентами. Сыновей баев и богачей в нашей армии нет. Даже если имеется 10 или 20 таких, то они уже отреклись от своего класса и даже от своих родителей и родственников, когда последние противопоставляли себя партии и народу. Все кадры нашей армии прошли через войну и были выдвинуты в процессе войны, так что я не только не могу принять этих обвинений, но и скажу вам, что осведомители обманывают вас, они клеветают. Я заверяю вас, что оружие, которое мы от вас получали и получим, находилось и будет находиться в надежных руках, что нашей Народной Армией руководила и руководит Партия труда, и никто иной. У меня все! – И я сел.

После меня слово взял Маленков, чтобы закрыть дискуссию. Отметив, что он разделяет соображения предыдущих ораторов, дав нам уйму «советов и наказов», он также остановился на вопросе о «врагах» в рядах нашей армии, о котором завязался спор с Булганиным и Берия.

– Что касается проведения чисток в армии, я думаю, что вопрос не следует ставить так, – сказал Маленков, противопоставляясь «совету» Булганина о чистках. – Люди рождаются не подкованными, они делают и ошибки в жизни. Не следует бояться простить им ошибки. У нас есть люди, кото-

рые воевали против нас с оружием в руках, но мы теперь издаем особые указы о том, чтобы простить им прошлое и тем самым дать им возможность работать в армии и даже вступить в партию. Термин «чистка» армии, – повторил Маленков, – неподходящий, – и этим он закрыл обсуждение.

Ни в чем нельзя было разобраться: один наобум говорил «у вас враги», поэтому «надо произвести чистки», другой говорил «издаем указы о том, чтобы простить им прошлое»!..

* * *

Мое заключение об этой встрече было горьким. Я понял, что в руководстве Советского Союза не было расположения к нашей стране. Явная напыщенность, с которой они обращались с нами во время встречи, отклонение наших незначительных запросов и клеветническая вылазка против кадров нашей армии были дурными приметами.

Из этой встречи я заключил также, что в Президиуме Коммунистической партии Советского Союза не было единства: Маленков и Берия преобладали, Молотов почти безмолвствовал, Микоян стоял в тени. Было ясно, что среди лидеров в Президиуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза разразилась борьба за вытеснение друг друга. Как ни старались они не создавать в публике впечатления о том, что в Кремле происходила «смена гвардии», всего происходящего нельзя было скрыть.

В партии и правительстве были произведены и производились изменения. Хрущев, подставив ножку Маленкову, предоставив ему только пост премьер-министра, сам, в сентябре 1953 г., стал Первым секретарем Центрального Комитета. Понятно, Хрущев и его приближенные удачно состряпали интригу в Президиуме, рассорив противников и устранив Берия, после чего остальных, по всей видимости, они «умиротворили».

Что же касается ареста и казни Берия, то приводится много версий. Говорили, в частности, что Берия был арестован военными во главе с генералом Москаленко прямо на заседании Президиума Центрального Комитета партии. По-видимому, Хрущев с компанией эту «специальную миссию» поручили армии, так как не верили органам госбезопасности, поскольку они целые годы находились в руках Берия.

План был разработан заранее: во время заседания Президиума Центрального Комитета партии Москаленко со своими людьми незаметно вошел в соседнюю комнату. В один момент Маленков нажал кнопку звонка, и несколько мгновений спустя Москаленко вошел в зал заседания и подошел к Берия, чтобы арестовать его. Говорят, что он протянул руку к лежащему рядом с ним портфелю, но Хрущев, который «бдительно» сидел возле него, оказался «ловче» — он первым схватил портфель. «Птичке» некуда было улететь, акция увенчалась успехом! Точь-в-точь как в детективных фильмах, но не в заурядном фильме: его действующими ли-

цами были члены Президиума ЦК КПСС!

Говорили, что именно так произошло, впрочем, это признавал и сам Хрущев. Потом какой-то генерал, советский военный советник, Сергацков, кажется, звали его, когда приехал в Тирану, кое-что рассказал и нам о судебном процессе по делу Берия. Он сказал нам, что был вызван в качестве свидетеля заявить на процессе по делу Берия, что последний, мол, грубо обходился с ним.

В связи с этим Сергацков конфиденциально сказал нашим товарищам: «Берия здорово защищался в суде, ни в чем не признался и отверг все обвинения».

* * *

В июне 1954 г., несколько месяцев спустя после вступления Хрущева на пост Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, мы с тов. Хюсни Капо поехали в Москву и попросили у советских руководителей встречи, чтобы обсудить с ними те наши экономические проблемы, которые они не хотели решать. Нас приняли Хрущев и Маленков, который еще был премьер-министром; присутствовали Ворошилов, Микоян, Суслов и еще один или два других более низкого уровня.

С Хрущевым мне привелось раза два встречаться на Украине еще до смерти Сталина. Тогда мы только что вышли из войны, и в то время было естественно, что мы питали боль-

шое доверие не только к Сталину, к Советскому Союзу, к Коммунистической партии Советского Союза, что было бесспорно, но и ко всем руководителям Коммунистической партии Советского Союза. Еще при первой встрече Хрущев произвел на меня впечатление «энергичного и словоохотливого добряка»; он хорошо отзывался о нашей борьбе, хотя и видно было, что он ничего не знал о ней.

Он приличия ради обрисовал мне Украину, устроил для меня обед, от которого в мою память врезался какой-то суп, борщ, как и чаша простокваши, такой густой, что ее можно было ножом резать; я так и не понял, что это было – простокваша или брынза; он подарил мне узорчатую украинскую рубашу и попросил извинения за то, что ему надо было выехать в Москву на заседание Политбюро. Эта встреча состоялась в Киеве, где Хрущев, сопровождая меня, то и делал, что всячески расхваливал Сталина. Я, естественно, видя лишь то, как эти руководители так умело управляли столь огромной страной, которую мы горячо любили, и слушая их хорошие слова о Сталине, был очень доволен ими и восхищался их достижениями.

Тем не менее столь неожиданный и быстрый приход к власти Хрущева произвел на нас нехорошее впечатление. Не потому, что у нас было что-то против него, а потому, что Хрущев ни в самом Советском Союзе, ни за рубежом не пользовался такой известностью и не играл такую роль, чтобы столь быстро занять место великого Сталина в качестве Первого

секретаря Центрального Комитета партии. Ни на одной из встреч, которые мы на протяжении ряда лет имели со Сталиным, Хрущев ни разу не появился, хотя в большинстве этих встреч принимали участие почти все главнейшие руководители Коммунистической партии и советского государства. И все-таки мы ни разу не говорили о наших соображениях по поводу столь резкого выдвигания Хрущева. Это мы считали внутренним делом Коммунистической партии Советского Союза, полагали, что они сами знают, что делают, и мы всем сердцем желали, чтобы дела в Советском Союзе шли всегда на лад, как во времена Сталина.

* * *

Настал день, когда мы оказались лицом к лицу с Хрущевым на первой официальной встрече с ним.

Первым слово взял я. Я кратко изложил положение страны в экономическом, политическом и организационном отношении, положение партии и народной власти. Зная по опыту прошлогодней встречи с Маленковым, что новые руководители Коммунистической партии и советского государства не любили долго слушать других, я постарался изложить свои соображения возможно более сжато, делая упор в основном на экономические вопросы, о которых два месяца до этого мы направили советскому руководству подробное письмо.

Помню, во время моего выступления Хрущев вмешался только раз. Я рассказывал об итогах последних выборов в депутаты Народного Собрания в нашей стране и о проявившемся на этих выборах монолитном единстве между партией, народом и народной властью.

— Эти результаты не должны усыпить вас, — вставил в этот момент Хрущев, обратив внимание на тот вопрос, который мы всегда учитывали; я сам в только что сделанном изложении подчеркнул как раз нашу работу по упрочению единства, по усилению любви народа к партии и народной власти, по повышению бдительности и т. д. Ладно, это уж его право давать советы сколько ему угодно, нам не на что было обидеться.

Вслед за мной слово взял Хрущев, который с самого начала показал себя фокусником в подходе к делам:

— Мы изучили ваш материал, так что в курсе вашего положения и ваших проблем, — начал он. — Сделанный товарищем Энвером доклад еще больше разъяснил нам вопросы, и я считаю его «совместным докладом» — вашим и нашим. Но я, — сказал он далее, — еще плохой албанец и теперь не буду говорить ни об экономических, ни о политических проблемах, выдвинутых товарищем Энвером, ибо мы с нашей стороны еще не обменивались мнениями и еще не пришли к единому мнению. Поэтому я коснусь другого вопроса.

И начал пространную беседу о значении роли партии.

Говорил он громко, все время жестикулируя и махая го-

ловой, оглядывался вокруг, нигде не останавливая своего взгляда, временами прерывал свою беседу и задавал вопросы, затем, часто еще не получив ответа, продолжал свою беседу с пятого на десятое.

– Партия, – теоретизировал он, – руководит, организует, проверяет. Она – инициатор, вдохновитель. Но Берия стремился ликвидировать роль партии. – И, замолкнув на мгновение, спросил меня: – Получили ли вы резолюцию, в которой сообщается о приговоре против Берия?

– Да, – ответил я.

Он бросил говорить о партии и заговорил о деятельности Берия; какие только обвинения ни возводил он на него, назвав его виновником многих бед. Это были первые шаги по пути атак против Сталина. Пока что Хрущеву нельзя было обрушиться на Сталина, на его дело и фигуру, он это понимал, так что начал с Берия, чтобы подготовить почву. К нашему удивлению, на этой встрече Хрущев сказал:

– В прошлом году, находясь здесь, вы содействовали раскрытию и изобличению Берия.

Я с удивлением уставился на него, чтобы угадать, к чему он клонит. Объяснение Хрущева было следующее:

– Вы помните ваш прошлогодний спор с Булганиным и Берия в связи с их обвинением в адрес вашей армии. Те сведения нам сообщил Берия, и ваше решительное возражение в присутствии товарищей из Президиума помогло нам еще лучше дополнить имевшиеся у нас подозрения и данные о

враждебной деятельности Берия. Несколько дней спустя после вашего отъезда в Албанию, мы осудили его.

* * *

Однако на этой первой встрече с нами Хрущев имел в виду не просто Берия. Дело Берия уже было закрыто, Хрущев рассчитался с ним. Теперь ему надо было дальше идти. Он долго говорил о значении и роли Первого секретаря или Генерального секретаря партии.

– Для меня неважно, как он будет называться, – «первым» или же «генеральным», – сказал он. – Важно избрать на этот пост самого умелого, самого способного, самого авторитетного в стране человека. У нас свой опыт, – продолжил он. – После смерти Сталина нас было четверо секретарей Центрального Комитета, но у нас не было старшего, так что некому было подписать протоколы заседаний!

Подробно изложив этот вопрос с «принципиальной» точки зрения, Хрущев стал явно подпускать шпильки, естественно, в адрес Маленкова, ни разу не назвав его по имени.

– Представьте себе, что случилось бы, – лукаво сказал он, – если бы самый способный и самый авторитетный товарищ был избран Председателем Совета Министров. Все обращались бы к нему, а это содержит в себе опасность того, что могут не приниматься во внимание жалобы, поданные через партию, тем самым партия ставится на второй план,

превращается в орган Совета Министров.

Во время его выступления я несколько раз взглянул на бледного, покрытого желтовато-бурой краской Маленкова, не шевелившего ни головой, ни телом, ни рукой.

Ворошилов, покрасневший как мак, смотрел на меня, ожидая, когда Хрущев закончит свое «выступление». Затем начал он. Он указал мне на то (как будто я этого не знал), что пост премьер-министра также очень важен по такой-то и такой-то причине, и т. д.

– Полагаю, что товарищ Хрущев, – сказал Ворошилов неуверенным тоном, так как не знал, кому угодить, – не хотел сказать, что и Совет Министров не имеет особого значения. Премьер-министр также...

Маленков стал бледным как полотно. Желая хоть сколько-нибудь сгладить дурное впечатление, произведенное словами Хрущева особенно относительно Маленкова, своими словами Ворошилов еще больше подчеркнул существовавшее в Президиуме ЦК партии напряженное положение.

Маленков был «козлом отпущения», которого преподносили мне «отведать». А я из этих двух лекций ясно понял, что в Президиуме ЦК КПСС углублялся раскол, что Маленков и его люди шли по наклонной плоскости. К чему привел этот процесс – это мы увидели позже.

На этой же встрече Хрущев сказал нам, что и другим братским партиям был предложен советский «опыт» того, кто должен быть первым секретарем партии, а кто премьер-министром в народно-демократических странах.

– Мы обсудили эти вопросы и с польскими товарищами накануне их партийного съезда, – сказал нам Хрущев. – Хорошенько взвесили дела и сочли целесообразным, чтобы товарищ Берут оставался Председателем Совета Министров, а товарища Охаба назначить Первым секретарем партии...

Итак, раз он настаивал на том, чтобы Первым секретарем был избран Охаб, «замечательный польский товарищ», как он сам выразился нам, Хрущев с самого начала был за устранение от руководства партии (а затем и за его ликвидацию) Берута. Итак, давалась зеленая улица всем ревизионистским элементам, которые до вчерашнего дня скрывались и притулились в ожидании подходящего момента. Этот момент создавал теперь Хрущев, который своими действиями, своими позициями и своими «новыми идеями» становился вдохновителем и организатором «изменений» и «реорганизаций».

Однако съезд Польской объединенной рабочей партии не удовлетворил желания Хрущева. Берут, твердый товарищ, марксист-ленинец, о котором я храню очень хорошие воспоминания, был избран Первым секретарем партии, а Пре-

мьер-министром был избран Циранкевич.

Хрущев примирился с этим решением, так как иного выхода у него не было. Однако ревизионистская мафия, которая стала оживляться, думала обо всех путях и возможностях. Она ткала паутину. И если Берут не был смещен с партийного руководства в Варшаве, как этого желал и диктовал Хрущев, то он должен был быть позднее ликвидирован в Москве неожиданным «насморком».

Что скрывалось за выступлениями Хрущева против «культа личности»

Одно из главных направлений стратегии и тактики Хрущева заключалось в том, чтобы полностью прибрать к своим рукам политическую и идеологическую власть в Советском Союзе и поставить себе на службу Советскую армию и органы государственной безопасности.

Хрущевская группа думала осуществить эту цель поэтапно. Вначале она не должна была вести фронтальное наступление на марксизм-ленинизм, социалистическое строительство в Советском Союзе и на Сталина. Напротив, этой группе надо было опираться на осуществленные достижения и даже как можно больше превозносить их, чтобы завоевать себе доверие и создать обстановку эйфории, с целью подорвать затем социалистический базис и надстройку.

После смерти Сталина некоторое время «новые» советские руководители и, прежде всего, Хрущев продолжали называть его «великим человеком», «вождем, пользующимся неоспоримым авторитетом» и др. Хрущеву надо было говорить так, чтобы завоевать себе доверие в Советском Союзе и за его пределами, создать впечатление, что он был «верен» социализму и революции, был «продолжателем» дела Ленина и Сталина.

Между тем, Хрущев и Микоян были самыми заклятыми

врагами марксизма-ленинизма и Сталина. Оба они были головой заговора и путча, давно подготовленного ими вкупе с карьеристскими и антимарксистскими элементами в Центральном Комитете, армии и с местными руководителями. Эти путчисты не раскрыли карты сразу же после смерти Сталина, но продолжали дозировать яд в своих похвалах по адресу Сталина, когда это им надо было и в нужной им мере. Правда, особенно Микоян на многочисленных встречах, которые мне приходилось иметь с ним, никогда не хвалил Сталина, хотя путчисты в своих выступлениях и докладах, кстати и некстати, пели дифирамбы Сталину, славословили его. Они создавали культ Сталина, чтобы как можно больше изолировать Сталина от массы и, прикрываясь этим культом, подготавливали катастрофу.

Хрущев и Микоян работали по плану, и после смерти Сталина они нашли свободное поле действия еще потому, что Маленков, Берия, Булганин, Ворошилов показали себя не только ротозеями, но и властолюбивыми людьми – каждый рвался к власти.

А Хрущев и Микоян прибегли к тактике: разделяй в Президиуме, организовывай силы путча вне его, продолжай хорошо высказываться о Сталине, чтобы миллионные массы были на твоей стороне, и приближай, тем самым, день взятия власти, ликвидацию противников и всей славной эпохи социалистического строительства, эпохи победы Отечественной войны и др. Вся эта лихорадочная деятельность (мы это

чувствовали) преследовала цель сделать Хрущева популярным в Советском Союзе и за рубежом.

Прикрываясь победами, одержанными Советским Союзом и Коммунистической партией Советского Союза под руководством Ленина и Сталина, Хрущев все делал для того, чтобы народы Советского Союза и советские коммунисты думали, что ничего не изменилось, великий руководитель умер, но выдвигался «еще более великий» руководитель, да какой! «Столь же принципиальный и такой же ленинец, что и первый, и даже больше его, но зато либеральный, обходительный, веселый, полный юмора и шуток!».

* * *

Между тем оживлявшаяся ревизионистская гадюка стала изрыгать яд на облик и дело Сталина. Вначале это они делали, не атакуя Сталина по имени, а нападая на него косвенно.

Во время одной из моих встреч с Хрущевым в июне 1954 г. он якобы в принципиальном и теоретическом плане принялся развивать мысль о большом значении «коллективного руководства», о большом ущербе, который наносится делу, когда это руководство заменяется культом одного лица, он привел мне также отдельные цитаты из Маркса и Ленина, чтобы дать мне понять, что сказанное им основывалось на «марксистско-ленинской почве».

О Сталине он ничего плохого не сказал, а весь огонь обра-

тил против Берия, обвинив его в действительных и вымышленных преступлениях. В самом деле на этом первоначальном этапе ревизионистского наступления Хрущева Берия являлся подходящим козырем для продвижения тайных планов. Как я писал и выше, Хрущев изобразил Берия виновником многих зол, он недооценивал, мол, роль Первого секретаря, он, мол, посягнул на «коллегиальное руководство», стремился поставить партию под контроль органов госбезопасности. Под маской борьбы за преодоление ущерба, нанесенного Берия, Хрущев, с одной стороны, пускал корни в партийном и государственном руководстве и прибрал к рукам Министерство внутренних дел, с другой стороны – подготавливал общественность к предстоящему открытому нападению на Иосифа Виссарионовича Сталина, на подлинное дело Коммунистической партии большевиков, партии Ленина и Сталина.

Мы удивлялись многим из этих неожиданных действий и изменений, однако рано еще было угадать истинные размеры осуществлявшегося заговора. Тем не менее еще тогда мы не могли не уловить противоречивый характер в действиях и мыслях этого «нового руководителя», бравшего в свои руки бразды правления в Советском Союзе. Тот же Хрущев, который теперь выступал «последователем коллегиального руководства», за несколько дней до этого, на встрече, которую мы имели с ним, говоря нам о роли Первого секретаря партии и премьер-министра, выступал пламенным сторонником

«роли личности», «крепкой руки».

После смерти Сталина создалось впечатление, будто эти «принципиальные» деятели установили коллегиальное руководство. Они трубили об этом, чтобы доказать, будто «Сталин нарушил принцип коллегиальности», будто он «извратил эту важную норму ленинского руководства», будто при нем «партийное и государственное руководство превратилось из коллегиального в личное руководство».

Это была вопиющая ложь, и хрущевцы распространяли ее для подготовки почвы. Если принцип коллегиальности и был нарушен, то вину за это надо искать не в Сталине, а в мошенничестве других и в произвольных решениях, которые они сами принимали, извращая линию в различных подведомственных им секторах. Как же можно было контролировать подобные действия этих окружавших Сталина антипартийных элементов, если они сами распространяли идею о том, что ЦК знает все? Этим они пытались убедить партию и народ в том, что «Сталину известно все, что делается», и «он все одобряет». Иными словами, именем Сталина и посредством своих аппаратчиков они зажимали критику и пытались превратить большевистскую партию в мертвую партию, в организм, лишенный воли и энергии, который прозябал бы, одобряя все бюрократические решения, махинации и извращения.

В период кампании за установление так называемого коллегиального руководства Хрущев пытался ухищренно жон-

глизировать, поднимая оглушительный шум о борьбе против культа личности. Исчезли портреты Хрущева со страниц газет, исчезли заголовки с крупными буквами, полные похвал в его адрес, но была пущена в ход другая, избитая тактика: все газеты заполняли его публичные выступления, речи, сообщения о встречах с иностранными послами, о ежедневном посещении приемов, устраивавшихся дипломатами, о встречах с делегациями коммунистических партий, о встречах с американскими журналистами, дельцами и сенаторами и с западными миллионерами – друзьями Хрущева. Эта тактика должна была быть противопоставлена методу «замкнутой работы Сталина», «его сектантской работы», который, по словам хрущевцев, серьезно мешал активизации Советского Союза в мире.

Эта хрущевская пропаганда должна была показать советскому народу, что он теперь приобрел «истинного ленинского вождя, который все знает, все решает правильно, выделяется исключительной живостью, дает заслуженный отпор любому» и бурная деятельность которого «помогает исправлять в Советском Союзе все, преодолеть преступления прошлого и двигаться вперед».

* * *

Я находился в Москве по случаю совещания партий всех социалистических стран. Кажется, это было в январе 1956 г.,

когда состоялось совещание по вопросам экономического развития стран – членов СЭВ. Это было время, когда Хрущев и хрущевцы усиливали свою вражескую деятельность. Мы с Хрущевым и Ворошиловым были на даче под Москвой, где должны были обедать все мы, представители братских партий. Никогда до этого советские руководители открыто не говорили мне плохо о Сталине, и я, со своей стороны, продолжал по-прежнему с любовью и глубоким уважением отзываться о великом Сталине. По-видимому, эти мои слова плохо звучали в ушах Хрущева. В ожидании остальных товарищей Хрущев и Ворошилов сказали мне:

– Не выйти ли нам в парк подышать свежим воздухом?

Мы вышли и прошли по дорожкам парка. Хрущев говорит Климу Ворошилову:

– Ну, расскажи-ка Энверу об ошибках Сталина.

Я наострил уши, хотя давно подозревал их в злопыхательстве. И Ворошилов заговорил о том, что «Сталин допускал ошибки в партийной линии, был груб и до того жесток, что с ним нельзя было спорить».

– Он, – продолжал Ворошилов, – потворствовал даже преступлениям, за которые и несет ответственность. Ошибки допускал он и в области развития народного хозяйства, поэтому эпитет «зодчий социалистического строительства» ему не подходит. С другими партиями Сталин не поддерживал правильные отношения.

Ворошилов долго наговаривал на Сталина. Кое-что я по-

нял, а кое-чего нет, ибо я, как писал и выше, не очень хорошо знал русский язык, но тем не менее суть беседы и цель обоих я хорошо понял и был возмущен услышанным. Хрущев шел впереди и палкой касался посеянных в парке капуст. (Хрущев даже в парках сеял овощи, выдавая себя за большого знатока земледелия.)

Когда Ворошилов закончил свою болтовню и клеветнические измышления, я спросил его:

– Как это возможно, чтобы Сталин допускал такие ошибки?

Побагровевший Хрущев обернулся и ответил мне:

– Возможно, возможно, товарищ Энвер, Сталин такие ошибки допускал.

– Но ведь вы все это заметили еще при жизни Сталина. Как это вы не помогли ему избежать этих ошибок, которые, как вы утверждаете, он допускал? – спросил я Хрущева.

– Вопрос-то, товарищ Энвер, естественный, но видишь эту капусту? Сталин рубил голову с такой легкостью, с какой садовник может срубить эту капусту, – и Хрущев палкой тронул капусту.

– Все ясно! – сказал я Хрущеву и больше не вымолвил ни слова.

* * *

Мы вернулись на дачу. Остальные товарищи уже приеха-

ли. Я кипел негодованием. В тот вечер они собирались преподнести нам улыбки и обещания «более быстрого» и «более стремительного» развития социализма, обещания «большей помощи» и «более широкого» и «всестороннего» сотрудничества. Это было время, когда готовили пресловутый XX съезд, время, когда Хрущев рвался к власти. Он создавал облик руководителя-мужика, «народного» руководителя, который открывал двери тюрем, открывал ворота концентрационных лагерей, который не только не боялся реакционеров и осужденных и заключенных врагов Советского Союза, но, выпуская их на волю, хотел показать этим, что среди них были и «несправедливо» наказанные.

Известно, что за троцкисты, что за заговорщики, что за контрреволюционеры были Зиновьев и Каменев, Рыков и Пятаков, что за предатели были Тухачевский и другие генералы – агенты Интеллидженс сервис или немцев. А для Хрущева и Микояна все они были хорошими людьми, и несколько позже, в феврале 1956 г., они должны были быть объявлены невинными жертвами «сталинского террора». Эта волна поднималась постепенно, тщательно подготавливалось общественное мнение. «Новые» руководители, которые были теми же старыми руководителями, выдавали себя за либералов, чтобы сказать народу: «Дыши свободно, ты на воле, пользуешься настоящей демократией, ибо тиран и тирания исчезли. Теперь все идет по ленинскому пути, создается обилие, рынки будут завалены товарами и нам некуда будет де-

вать продукцию».

Хрущев, эта отвратительная трещотка, свои уловки и коварства прикрывал болтовней и вздором. И тем не менее этим ему удалось создать благоприятную для своей группы обстановку. Не было дня, чтобы Хрущев не разводил разнузданную демагогию о сельском хозяйстве, не менял людей и методы работы, не объявлял себя единственным «компетентным знатоком» сельского хозяйства, предпринимавшим подобные личные «реформы».

Своему вступлению на пост Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Хрущев «положил начало» пространным докладом о вопросах сельского хозяйства, сделанным на пленуме Центрального Комитета в сентябре 1953 г. Этот доклад, который был назван «очень важным» докладом, содержал в себе те хрущевские идеи и реформы, которые фактически подорвали советское сельское хозяйство настолько сильно, что следы катастрофы видны и по сей день. Шум и фанфаронство относительно «целинных земель» являлись ложной рекламой.

Советский Союз покупал у Соединенных Штатов Америки миллионы тонн зерна.

Однако «коллегиальному руководству» и исчезновению портретов Хрущева со страниц газет суждено было недолго длиться. Культ Хрущева возвеличивали мошенники, либералы, карьеристы, лизоблюды и льстецы. Великий авторитет Сталина, основанный на его неизгладимом деле, был подо-

рван в Советском Союзе и за его пределами. Его авторитет уступил место авторитету шарлатана, клоуна и шантажиста.

XX съезд КПСС. «Секретный» доклад против Сталина

Измена во главе Коммунистической партии Советского Союза, страны, где совершилась Октябрьская социалистическая революция, воплотилась во всесторонних выпадах против имени и великого учения Ленина, особенно против имени и дела Сталина.

Когда хрущевцы убедились в том, что упрочили свои позиции, что через маршалов прибрали к своим рукам армию, что увели на свой путь органы госбезопасности и привлекли на свою сторону большинство Центрального Комитета, — они подготовили и провели в феврале 1956 г. пресловутый XX съезд, на котором выступили и с «секретным» докладом против Сталина.

Мы с товарищами Мехметом Шеху и Гого Нуши были назначены нашей партией принять участие в работе XX съезда. Оппортунистический «новый дух», который насаждался и оживлялся Хрущевым, можно было видеть даже в том, как была организована и как проходила работа этого съезда. Этот либеральный дух черной тучей заволакивал всю атмосферу, пронизывал советскую печать и пропаганду тех дней, он царил в коридорах и залах съезда, отражался на лицах, в жестах и словах людей.

Уже не было прежней серьезности, характеризовавшей та-

кие весьма важные для жизни партии и страны события. В перерывах между заседаниями Хрущев с компанией ходили по залам и коридорам, смеялись и соревновались друг с другом: кто расскажет больше анекдотов, кто отпустит больше острот и покажет себя более популярным или осушит больше рюмок за заваленными до отказа столами, которых было в изобилии.

Всем этим Хрущев пытался подкрепить идею о том, что раз и навсегда был положен конец «тягостному периоду», «диктатуре», «мрачному анализу» вещей и официально начался «новый период», период «демократии», «свободы», «творческого подхода» к событиям и явлениям как в Советском Союзе, так и за его пределами.

* * *

В последний день съезд проводил свою работу при закрытых дверях, так как предстояли выборы, поэтому мы не присутствовали на этих заседаниях. Фактически в тот день после выборов делегаты выслушали второй доклад Хрущева. Это был пресловутый доклад против Сталина, так называемый секретный доклад, который на деле предварительно был прислан также югославским руководителям, а несколько дней спустя был вручен буржуазии и реакции в качестве нового «подарка» Хрущева и хрущевцев. После того, как был проработан с делегатами съезда, этот доклад был вручен для

чтения и нам, как всем другим зарубежным делегациям.

Его прочли только Первые секретари братских партий, участвовавшие в съезде. Я прочел его за ночь и, весьма потрясенный, передал его читать также Мехмету и Гого. Что Хрущев с компанией поставил крест на Сталине, на его облике и на его славном деле, это мы знали еще раньше, в этом мы воочию убедились также в ходе работы съезда, где его имени ни разу не помянули добром. Но чтобы советские руководители могли записать на бумаге уйму обвинений и чудовищной ругани против великого и незабываемого Сталина, это нам и в голову не приходило. И тем не менее все было черным по белому написано; доклад был зачитан советским коммунистам – делегатам съезда, был передан для чтения также представителям других партий, участвовавшим в работе съезда.

Наши умы и наши сердца получили потрясающий, тяжелый удар. Между собой мы говорили, что это была несусветная подлость с пагубными для Советского Союза и нашего движения последствиями, так что в тех трагических условиях долгом нашей партии было прочно стоять на своих марксистско-ленинских позициях.

Прочитав его, мы сразу вернули авторам их ужасный доклад. Нам незачем было взять с собой эту помойку низкопробных обвинений, выдуманных Хрущевым. Это другие «коммунисты» взяли его с собой, чтобы передать реакции и оптом продавать его в киосках в качестве прибыльного биз-

неса.

Вернулись мы в Албанию с разбитым сердцем за все то, что увидели и услышали на родине Ленина и Сталина, но в то же время мы вернулись, получив большой урок: смотреть в оба, быть бдительными в отношении действий и позиций Хрущева и хрущевцев.

* * *

Прошло всего лишь несколько дней, и клубы черного дыма идей XX съезда стали расходиться повсюду.

Пальмиро Тольятти, наш близкий сосед, который с нами показал себя самым далеким и самым чуждым, в числе первых выступил в своей партии, бия себя в грудь. Он не только превознес до небес новые «перспективы», открытые съездом советских ревизионистов, но относительно многих из новых хрущевских тезисов потребовал, чтобы за ним были признаны заслуги предшественника и «старого борца» за эти идеи. «Что касается нашей партии, – заявил Тольятти в марте 1956 г., – то мне кажется, что мы поступали смело. Мы все время искали наш, итальянский способ развития по пути к социализму».

Как никогда оживились от радости белградские ревизионисты, а в остальных партиях стран народной демократии в духе тезисов Хрущева не только стали проектировать будущее, но и пересматривать прошлое. Ревизионистские эле-

менты, которые до вчерашнего дня изрыгали яд втайне, теперь выступили совершенно открыто, чтобы рассчитаться со своими противниками; развернулась кампания реабилитации предателей и осужденных врагов, открылись двери тюрем, и многие из бывших осужденных были посажены непосредственно на руководство партий.

Первой подала пример сама клика Хрущева. На XX съезде Хрущев хвастливо заявил, что в Советском Союзе было освобождено из тюрем и реабилитировано свыше 7000 человек, осужденных при Сталине. Этот процесс продолжал углубляться.

Хрущев и Микоян начали убирать одного за другим и, наконец, всех вместе тех членов Президиума ЦК партии, которые впоследствии должны были быть квалифицированы как «антипартийная группа». Подставив ножку Маленкову, временно сменив его Булганиным, они взялись за Молотова. Это было 2 июня 1956 г. В тот день газета «Правда» открывалась крупным портретом Тито; словами «добро пожаловать!» она приветствовала прибытие в Москву лидера белградской клики, а четвертая ее страница закрывалась сообщением из «хроники» о снятии Молотова с поста министра иностранных дел Советского Союза. В сообщении говорилось, что Молотов освобождался от этого поста «по своей просьбе», но фактически он освобождался в соответствии с условием, поставленным Тито в связи со своей первой поездкой в Советский Союз, со времени разрыва отношений в

1948–1949 гг. И Хрущев с компанией сразу же выполнили условие, поставленное Белградом, чтобы доставить удовольствие Тито, поскольку Молотов вместе со Сталиным подписал письма, которые советское руководство направило югославскому руководству в 1948 г.

Позиции ревизионистских реакционеров крепли, и их противники в Президиуме – Маленков, Молотов, Каганович, Ворошилов и другие – уже стали яснее замечать ревизионистскую подоплеку и коварные планы, вынашиваемые Хрущевым против Коммунистической партии Советского Союза и государства диктатуры пролетариата. На одном из заседаний Президиума Центрального Комитета партии в Кремле летом 1957 г., после многочисленных упреков, Хрущев остался в меньшинстве и, как нам собственными устами рассказывал Полянский, был снят с поста Первого секретаря и назначен министром сельского хозяйства, поскольку был «специалистом по кукурузе». Однако это положение длилось всего лишь несколько часов. Хрущев и его друзья втайне забили тревогу, маршалы окружили Кремль танками и войсками и отдали приказ даже мухи не выпускать из Кремля. С другой стороны, во все концы страны были направлены самолеты, чтобы привезти членов пленума ЦК КПСС.

«Затем, – рассказывал Полянский, это порождение Хрущева, – мы ворвались в Кремль и потребовали впустить нас в зал заседания. Вышел Ворошилов, который спросил, чего мы хотели. Когда мы сказали, что хотим войти в зал заседа-

ния, он отказался наотрез. Когда мы сказали ему, что прибегнем к силе, он сказал: «Что тут происходит?» Но мы предупредили его: поменьше слов, иначе арестуем. Мы вошли в зал заседания и изменили положение». Хрущев вновь взял власть в свои руки.

* * *

Итак, эти бывшие соратники Сталина, которые солидаризовались с клеветой, возведенной на его славное дело, после этой провалившейся попытки были названы «антипартийной группой» и получили сокрушительный удар от хрущевцев. Никто не оплакивал их, никто не пощадил. Они утратили революционный дух, превратились в трупы большевизма, не были больше марксистами-ленинцами. Они присоединились к Хрущеву и согласились облить грязью Сталина и его дело; они попытались что-то предпринять, но не партийным путем, так как партия и для них не существовала.

Такая же участь ждала всех тех, кто так или иначе противился Хрущеву или становился уже ненужным ему. Годами подряд превозносились «огромные заслуги» Жукова, его деятельность периода Великой Отечественной войны была использована для того, чтобы облить грязью Сталина, его рука, как министра обороны, была использована для обеспечения торжества путча Хрущева. Но позднее мы совершенно неожиданно узнали, что он был снят с занимаемых постов.

В те дни Жуков находился у нас с визитом. Мы встретили его хорошо, как старого деятеля и героя сталинской Красной Армии, беседовали с ним о проблемах нашей обороны, как и обороны социалистического лагеря, и не замечали чего-либо тревожного в его мыслях. Наоборот, поскольку он приехал из Югославии, где находился с визитом, он сказал нам: «Судя по тому, что я видел в Югославии, не понимаю, что она за социалистическая страна!» Из этого мы поняли, что он не был одного мнения с Хрущевым. В тот же день, когда он уехал от нас, мы узнали, что он был снят с поста министра обороны СССР за «ошибки» и «тяжкие проступки» в проведении «партийной линии», за нарушение «законности в армии» и т. д. и т. п. Я не могу сказать, были или нет ошибки у Жукова в этом отношении, но вполне возможно, что имеются более глубокие причины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.